

¹⁰ Алексеев В.П. Антропобиогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7.

¹¹ Ирвин И. Дарвин и Гексли. М., 1976. С. 196.

¹² Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

Ya.V. Chesnov. N.N. Chebocksarov in science and life

The classic of the Soviet ethnography N.N. Chebocksarov continued by his works the traditions of the famous Moscow school (Anuchin school). The author believes that the most important contribution of Chebocksarov to ethnography was his conception of the economic-and-cultural types.

© 1997 г., ЭО, № 3

Г.Е. Марков

НЕМЕЦКАЯ ЭТНОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ. ФРИДРИХ РАТЦЕЛЬ

Полутораветковая история немецкоязычной этнологии¹ мало исследована в научной литературе, особенно эпоха после второй мировой войны². Больше всего внимания в историографии, пожалуй, уделялось этапу, охватывающему около двух десятилетий – от последней четверти XIX в. до начала первой мировой войны. Однако в посвященных ему публикациях обнаруживается много пробелов, неточностей и спорных суждений, вызванных научной или политической ориентацией того или иного автора и другими причинами. Помимо того, анализ некоторых работ историографического характера показывает, что они основаны не на исследовании первоисточников, а на сведениях, взятых из вторых рук, рецензиях и т.п. Это, кстати, уже отмечалось в литературе³.

Сказанное свидетельствует о необходимости вернуться к рассмотрению узловых проблем немецкоязычной этнологии в этот важнейший для нее период, ознаменовавшийся кардинальной сменой теоретических позиций большинства этнологов Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии.

К концу XIX в. завершилось безраздельное господство в мировой науке эволюционистской «теории развития» и начались поиски новых путей в теории. Они вылились в возникновение ряда учений, получивших на рубеже веков и в первые десятилетия XX столетия широкое распространение не только в странах немецкого языка, но и далеко за их пределами.

Авторами этих учений выступили различные по научным взглядам исследователи, которые в противовес умозрительным однолинейным схемам истории развития человеческой культуры предлагали концепции, основанные, как они утверждали, на объективных этнографических данных. Такой подход нашел многих сторонников и определил победу новых учений над эволюционизмом.

Но, отрицая прямолинейные схемы развития и многие ошибочные методы эволюционизма, его гипертрофированный психологизм, сторонники новых течений отбрасывали и то позитивное, что содержало это учение, и в первую очередь идеи о прогрессивном развитии культуры и исторических закономерностях. А ряд действительно неверных методологических и методических установок эволюционизма, в том числе пресловутый «психологизм», на практике были ими заимствованы.

На долгие годы многие исследователи отбросили понятие «развитие» и его место

¹Продолжение. См.: Марков Г.Е. От истоков немецкой этнологии к ее расцвету // Этнограф. обозрение. 1996. № 5.

заняло метафизическое «изменение культуры». Взамен принципа историзма, лежавшего в основе «теории развития», часть ученых провозгласила механистический псевдоисторический подход, имевший мало общего с действительным историзмом.

Наиболее популярные учения рассматриваемого времени, пришедшие на смену эволюционизму в Германии, Австрии, Швейцарии, англо-саксонских странах, в литературе обычно называют собирательным словом «диффузионизм», так как для большинства крупных этнологических течений и школ конца XIX и начала XX в. в большей или меньшей степени были характерны поиски причин «изменения» или «роста» культуры в процессах диффузии.

Однако ограничивать существо складывающихся в то время учений только принципом культурной диффузии представляется сомнительным. В частности, едва ли их можно свести к такому излишне узкому определению: «Диффузионизм объясняет развитие культур не их самостоятельной эволюцией, а главным образом или исключительно заимствованием культурных достижений и миграциями народов»⁴. Лишь отдельные исследователи стояли на позициях прямолинейной диффузии. Большинство ученых, относимых в литературе к числу «диффузионистов», ставили проблему значительно шире. Заметим, что культурную диффузию не только не отрицал, но и строил на ней теорию распространения «элементарных идей» и сложения «народных идей» один из основоположников «теории развития» Адольф Бастиан. Да и в целом «эволюционизм» не был чужд идеям миграции культур. То же самое можно сказать практически о всех существовавших в этнологии школах и течениях, за исключением, пожалуй, связанных с так называемым новым учением о языке Н.Я. Марра и его последователей.

Поэтому сводить разнообразные теоретические учения немецкой этнологии конца XIX и начала XX в. к «диффузионизму» представляется неверным как формально, так и по существу. На деле все было значительно сложнее, и во многих случаях следует говорить не о «диффузионистском», а относительно одних учений – о географическом, других – о «механическом» подходах к методологии исследования культурной истории и теории этнологии.

Первый подход характерен главным образом для «культурно-географического» направления, ознаменовавшего в конце прошлого века начало нового этапа в развитии немецкой этнологии. Его главу, профессора Лейпцигского университета Фридриха Ратцеля (1844–1904), создателя «антропогеографического» учения, в отечественной и зарубежной историографии принято считать предтечей «диффузионизма».

То, что многие мысли Ратцеля оказали большое воздействие не только на немецкую, но и на мировую этнологию, включая течения, причисляемые к «диффузионизму», не вызывает сомнений. Огромная эрудиция, дар широких теоретических обобщений позволяют причислить этого исследователя к кругу виднейших представителей мировой этнологии. Однако едва ли можно согласиться с мнением С.А. Токарева, называвшего «антропогеографию» Ратцеля «первой ласточкой диффузионизма». Сам Ратцель никогда не употреблял понятие «культурная диффузия», и к тому же он не был пионером в открытии значения культурных контактов и миграций: эта идея лежала в основе теории Бастиана о «народной мысли», не говоря уже о более ранних мыслителях. Ратцель отнюдь не был склонен сводить существо культурных процессов к диффузии, хотя придавал заимствованиям немалое значение.

Если обратиться к мнению С.А. Токарева о том, что диффузионизм «...направленный непосредственно против эволюционизма, а косвенно против марксизма... представляет собой попытку снять, упразднить само понятие эволюции, исторического прогресса, заменив его понятием культурной диффузии, т.е. сть пространственного перемещения культурных явлений»⁵ – точке зрения более или менее справедливой для учений, основанных на механистическом подходе к объяснению культурных «изменений», то применительно к Ратцелю и его учению она просто неверна. Ратцель не только никогда не упоминал о марксизме, но вообще едва ли подозревал о его существовании и более того – не ставил вопрос о происхождении культуры. Его интересовали лишь

пути ее движения в связи с географической средой, которые, по его представлению, являлись главным образом следствием разного рода культурных контактов. Ни в одном из своих трудов Ратцель не ставил вопрос о замене понятий «эволюция», «исторический прогресс» культурной диффузией, не выступал против принципа исторического развития. Последний был вне сферы его исследований, однако он его признавал и неоднократно упоминал. Не выступал он, наконец, и против эволюционизма как такового. Он лишь изредка мимоходом, в своих многочисленных трудах критически отзывался об излишней прямолинейности «теории развития» Бастиана и некоторых неудачных методических приемах сторонников этого направления, как то проведение необоснованных аналогий между народами, обитающими в различных природных условиях и стоящих на разных уровнях культурного развития⁶. Попутно нельзя не заметить, что и разрабатываемая отечественными исследователями теория хозяйственно-культурных типов исходит из того, что сопоставлять хозяйство и культуру в доиндустриальный период можно лишь у народов, обитающих в сходных условиях среды и имеющих одинаковый образ жизни.

Для того чтобы верно понять существо учения Ратцеля, следует иметь в виду, что он был географом и задачи, которые он перед собой ставил, были прежде всего географического характера. Его учение «антропологеография» рассматривало человека и его культуру как часть окружающей среды, что в какой-то мере напоминает учение В.И. Вернадского о биосфере. Сам Ратцель не считал себя этнологом. Он смотрел на явления человеческой культуры с позиций географа и, по его словам, решать сколь угодно широкие этнологические проблемы не было его целью. Однако на самом деле это было не совсем так, и вклад Ратцеля в этнологию был весьма существенен.

С сожалением приходится отметить, что значение научного наследия Ратцеля для этнологии изучено даже хуже, чем труды Бастиана и некоторых его современников. Более или менее обстоятельные историографические работы существуют только о Ратцеле-географе⁷. О его деятельности как этнолога в иностранной литературе можно найти лишь общие сведения – в разного рода юбилейных изданиях и энциклопедиях. Мало ему уделено внимания и в отечественной историографической литературе⁸. При этом едва ли справедливы обвинения Ратцеля в том, что он был предшественником нацистской «геополитики», в пропаганде и оправдании стремления Германии к завоеваниям на Востоке⁹. Содержание трудов этого автора не дает оснований для такого рода заключений, а что касается «геополитики», то если нацистские идеологи вырвали из контекста и использовали в своих целях отдельные положения Ратцеля, то сам он в этом не повинен. При достаточной бесприщипности нацисты находили для себя «полезное» и в трудах весьма прогрессивных ученых. Вместе с тем чрезвычайно последовательные антирасистские взгляды Ратцеля, многократно им высказывавшиеся в разных работах, несовместимые с нацистской идеологией и геополитикой, к сожалению, не отмечались ни в нашей, ни в зарубежной литературе.

Что касается круга проблем, рассматривавшихся Ратцелем, то традиционными для этнологии того времени вопросами – историей семьи, системами родства, религией и т.п. – Ратцель практически не интересовался. Единственная теоретическая проблема, которой Ратцель занимался в связи с этнологией или в такой же мере культурологией, – исследование закономерностей движения культур. При этом вопрос о происхождении культурных форм им не ставился, а рассматривались лишь движение отдельных культурных ценностей в связи с природно-географической средой и пути их трансформации.

Ранние работы Ратцеля посвящены главным образом географическим сюжетам. В более поздних большое место занимает «этногеография» – описание внеевропейских народов.

Непосредственно к вопросам этнологии и этнографии исследователь обратился в своем первом капитальном труде «Антропологеография», выдержавшем ряд переизданий и переведенном на многие европейские языки¹⁰.

В самом общем и приближенном виде «антропологеографию» можно определить как учение о человеке и природной среде, их взаимодействии, значении географических ус-

ловий для распространения культурных явлений, об историческом формировании «антропогеографической» среды как неразрывного единства человек – природа. Антропогеографическое учение отнюдь не было выражением географического детерминизма. Ратцель констатировал достаточно бесспорные факты, с интерпретацией которых можно соглашаться или не соглашаться. Так, он отмечает определенную связь географических факторов и исторических и культурных процессов, наличие в этих связях закономерностей, а также обусловленность тех или иных видов хозяйственной деятельности на ранних этапах развития человечества условиями природной среды. Если мысли Ратцеля о корреляции путей развития исторических процессов и условий среды дискуссионны и должны решаться комплексными исследованиями географов и историков, то связь условий среды и того, что мы называем «хозяйственно-культурными типами», представляется бесспорной. Также, думается, бесспорна в свете современных экологических проблем идея о взаимосвязанной «антропогеографической» среде.

Первый том «Антропогеографии» озаглавлен «Основы применения землеведения к истории» и в значительной мере посвящен исследованию влияния (но не детерминизма) географического фактора и смены территории на исторические процессы. Одновременно затрагиваются многие этнологические и культурологические проблемы, привлекается значительный этнографический материал по первобытным и полупервобытным народам разных частей света.

Рассматривая антропогеографию лишь как раздел «биогеографии» Ратцель подчеркивает пространственную и материальную общность жизни на земле и отмечает, что каждый народ современности имеет сложную историю формирования, происходившую на различной территории. Как считал Ратцель, влияние природных условий на человека – народ произошло только в том случае, если оно проявлялось достаточно долго. Этот в общем исторический подход находит отражение и в словах о том, что «...духовные достижения... могут распространяться и существовать в областях, которые вовсе не благоприятствовали бы их возникновению»¹¹. Заслуживает внимания определение Ратцелем взаимоотношения первобытного человека (*Naturmensch*) и природы. В отличие от распространенного еще с эпохи просветителей и энциклопедистов мнения, что «природный» человек – это человек, составлявший в глубокой древности часть природы, но впоследствии отделившийся от нее, Ратцель считал, что «природный» (первобытный. – Г.М.) народ – это народ, который живет не в слиянии с природой, а который находится под ее давлением, и разница между примитивными и культурными народами не в близости к природе, а в характере взаимоотношения с ней. В связи с этим он писал: «Культурный народ не делает себя свободным от природы, а усложняет и совершенствует способы ее использования... Наша культура связана с природой теснее, чем любая ей предшествовавшая, так как мы знаем больше, что можно от нее получить»¹².

Ратцель подробно останавливается на целях, задачах и методах антропогеографии. По его словам, этот раздел науки описывает области, где обитают люди, и картографирует распространение человека по ойкумене: места расселения, плотность населения, пути сообщения, распространение человеческих рас, народов и их групп, этнографических, языковых и политических общностей. Одно из центральных мест в концепции антропогеографии занимает положение о том, что «ни один народ не обитает сегодня на той территории, где он возник, и не всегда не ней останется. Рассматривая эти явления, антропогеография соприкасается с историей, которая также рассматривает человечество в движении»¹³.

Как в этом труде, так и в других сочинениях Ратцель постоянно подчеркивал значение для истории фактора географической среды и ее особенностей: «Все происходит в определенном пространстве. Задачи истории – временные, географии – пространственные». Разумется, с точки зрения современного историка и этнолога, такого рода взгляд хотя и не ошибочен, но узок. Однако следует напомнить, что Ратцель был прежде всего географом и его главный интерес заключался в исследовании значения географической среды для человека и распространения его культуры. Это следует из

слов автора о том, что антропогеография занимается только теми законами, которые могут быть сформулированы с позиций географии¹⁴.

Ратцель едва ли был прав, придавая чрезмерное значение в исторических процессах фактору подвижности населения, его численности и местоположению. Так, в частности, представляется спорным его утверждение, что когда народ численно растет, то усиливается внутреннее движение, история приобретает интенсивный характер. А когда народ перерастает возможности пропитания, это толкает его к движению «наружу», т.е. к переселению, экспансии, и, таким образом, в истории чередуются этапы относительного покоя и подвижности¹⁵. Мало убедительно и утверждение, что «то, что облегчает движение народов, ускоряет также движение истории»¹⁶. Кстати сказать, вероятно, не без воздействия этих идей Ратцеля, хотя и без ссылок на него, Л.Н. Гумилев выдвинул весьма сомнительную, на мой взгляд, гипотезу «пассионарности» и ее роли в истории и этногенезе.

Отмеченные мысли Ратцеля, многократно повторяющиеся в «Антропогеографии» и в других его произведениях, не раз подвергались критике, причем им придавалось особое политическое звучание. Следует, однако, иметь в виду, что в целом для учения Ратцеля эти идеи имели скорее вспомогательное, а не основное значение. Вряд ли справедливы делавшиеся порой Ратцелю упреки в том, что, говоря о «необходимости численно растущего народа к распространению», он имел в виду Германию и тем самым якобы оказался предтечей нацистской «геополитики». На самом деле Ратцель вовсе не концентрировал внимание на Германии, а приводил примеры и сопоставления с народами Африки и других частей мира, в том числе России, упоминая проблемы Германии лишь наряду и по аналогии с ними.

Собственно этнологические сюжеты рассматривались Ратцелем главным образом во втором томе его «Антропогеографии». Среди них – соотношение народа и его культуры, законы движения культуры, проблемы диффузии и автохтонизма. Затрагивались также вопросы подходов антропогеографии и «теории развития» (эволюционизма) к возникновению и развитию культур. Как и в других своих работах, в этом труде Ратцель неоднократно возвращался к проблеме единства человечества и его культуры, категорически утверждал единство человеческого рода и отмечал смешанность человеческих рас и групп населения¹⁷.

Хотя ученый слишком прямолинейно и недостаточно обоснованно утверждал, что численность населения в границах определенного пространства в значительной мере определяет ход развития культуры, он, очевидно, был прав, когда писал, что чем теснее соприкасаются между собой люди, тем теснее между ними связи и общение, тем больше это способствует развитию культуры. Трудно оспорить мнение Ратцеля, что низшей ступени культуры, на которой стоят охотники, собиратели и пастушеские народы, соответствует редкое население. Автор убедительно показал, что экстенсивные формы хозяйственной деятельности требуют рассредоточения небольших групп населения по большим пространствам¹⁸. Ратцелем исследовался и такой достаточно актуальный в наше время вопрос, как последствия столкновений и соприкосновения отсталых культур и цивилизаций. Основываясь на значительном фактическом материале, он убедительно иллюстрировал пагубное воздействие колониальной системы на народы тропиков и Арктики. Добавим, что многие выводы и мысли Ратцеля основывались на этнографическом материале, которым располагала наука в его время, и на политической ситуации, которую он рассматривал как стабильную и неизменную. А из этого следует, что оценивать взгляды Ратцеля нужно в контексте его времени, а не с высоты современного исторического опыта.

Особый раздел во втором томе «Антропогеографии» посвящен проблемам, связанным с «этнографическими признаками народа». В литературе распространена точка зрения, что Ратцель интересовался главным образом явлениями материальной культуры¹⁹. Однако это не совсем верно. Действительно, он писал, что «народы более изменчивы, чем созданные ими предметы... Большое значение для истории народа имеет географическое распространение предметов, так как оно указывает на

происхождение народов и пути их распространения». Но здесь же говорится, что «этнографические предметы» – это форма, в которой заключены идеи. Идея предмета получает воплощение в разных местах и различных формах. Но еще больше идеи изменяются при распространении явлений духовной культуры, на которые ученый обращал не меньшее внимание, чем на материальную культуру²⁰.

Значительное место в работе Ратцеля отведено изучению путей движения культурных ценностей в ходе миграций населения, торговли, политических и культурных сношений.

Одна из наиболее существенных проблем, исследовавшихся в «Антропогеографии», – происхождение отдельных культурных явлений, причины их сходства и различия в разных местах. Автор писал, что по поводу «этнографического родства» (т.е. сходства) культурных явлений в отдаленных друг от друга областях существуют две точки зрения. Согласно одной, сходные явления могут возникать самостоятельно у отдаленных друг от друга народов вследствие сходства психики человечества. Это направление Ратцель называл «психологическим». Согласно другой, существует какой-то один первоначальный центр, откуда идет распространение культурного явления. Это «географическое» направление. Себя Ратцель причислял скорее, хотя и не полностью, к сторонникам второго направления²¹, в связи с чем, собственно, его и называют диффузионистом. В действительности все обстоит не так просто и однозначно, как это иногда пытаются представить некоторые авторы. Прежде всего, Ратцель различал характер культурных явлений, о которых идет речь, а затем – явления простые и сложные. Трудно предположить, считал он, что конвергентно могут возникать весьма отвлеченные, абстрактные культурные явления. Но чем ближе этнографическое явление связано с его практическим использованием, как, например, каменный топор, тем вероятнее, что это изобретение возникло самостоятельно в разных местах. Таким образом, заимствования следует искать там, где явление несет на себе определенный отпечаток этнографической, этнической специфики, которая едва ли может самостоятельно возникнуть в разных местах. Предметы же целевого, особенно производственного назначения, самостоятельно возникают там, где в них возникает жизненная потребность. Ратцель соглашался со следующими словами исследователя Южной Америки Бурмейстера: «В эпоху детства человечества люди делали одно и то же в разных местах, когда их толкали к деятельности аналогичные обстоятельства. Первоначальная деятельность человека обусловлена его неразвитым разумом и имела повсеместное сходство»²².

Как ни парадоксально, но эти идеи чрезвычайно близки к концепции Бастиана (что, кстати, отмечено некоторыми современными исследователями) и жесткая оппозиция двух ученых основана в известной мере на недоразумении и при уточнении формулировок можно было бы избежать многолетних взаимных споров²³.

И эти взгляды Ратцеля заставляют весьма осторожно относиться к определению его как «диффузиониста». Еще больше в этом убеждает отношение Ратцеля к проблеме конвергенции или миграции сложных и простых, особенно не несущих специфических этнографических признаков, явлений. Как полагал исследователь, появление последних в разных областях может быть следствием самостоятельных изобретений. Но предметы, к примеру, со сходными сложными орнаментальными композициями вряд ли могут быть самостоятельно созданы в разных местах, а скорее они двигаются из какого-то одного центра. Думается, что и это положение Ратцеля не может вызвать особых возражений и ставит под сомнение «чистоту» его диффузионистских позиций.

Полемике со сторонниками «теории развития» Ратцель посвящал лишь отдельные замечания. Так, он возражал против построения линии эволюции культурных явлений только по единой восходящей – по пути их усложнения, справедливо полагая, что развитие может идти не только по восходящей, но и нисходящей линии («деволюция»). Свою точку зрения он аргументировал разносторонним и убедительным фактическим материалом²⁴. Весьма остроумно Ратцель критиковал гипотезу Бастиана о «народных идеях», базировавшуюся на предположении, что появление сходных элементов куль-

туры вызвано общими свойствами человеческой психики. В связи с этим он ставил вопрос: а как быть с «непоявлением» в тех или иных областях отдельных культурных явлений? И отвечал: «народной идее» Бастиана приходится «искать выход» только в факторе случайности²⁵. Ратцель настойчиво повторял свою точку зрения о единстве человечества в физическом и в психическом отношении. Он делал справедливый вывод, что родство по происхождению (по крови) отличается от этнографического сходства, которое может быть основано на разного рода внешних связях; что нельзя из расового сходства делать выводы об этнографическом родстве и, наоборот, на основе этнографических признаков делать выводы о расовом и кровном родстве²⁶. Как и Бастиан, Ратцель интересовался проблемами этногенеза. Он с полным правом может быть причислен к основоположникам этого раздела этнологических исследований.

Весьма любопытны взгляды Ратцеля (не получившие, к сожалению, дальнейшей разработки), о различиях в интенсивности и путях распространения разного рода культурных элементов.

Рассматривая распределение культур по разным регионам мира, ученый уже в «Антропогеографии» высказывал предположение о возможности их классификации по происхождению и географическому распространению – по «культурным кругам», или «культурным зонам», что было заимствовано как методическая основа рядом последующих «диффузионистских», или скорее механистических учений.

Ратцель настойчиво проводил мысль, составляющую одну из основ его учения, говоря, что «следует подчеркнуть, что почти всегда этнографические предметы двигаются вместе с людьми. Спонтанное, независимое от людей их передвижение случается редко. Поэтому основной закон антропогеографии состоит в том, что вещи передвигаются вместе с людьми, через людей, в их душе, как идея формы». И он делал вывод, что это «создает тесную связь между народом, его орудиями, оружием, украшениями и т.п. и придает им этнический характер. Они несут печать народа, поэтому их географическое распространение указывает на круг распространения народа или, по крайней мере, его связей. Географическое распространение вещей соответствует распространению народа»²⁷.

В наиболее полном виде свое учение о «культурных зонах» (кругах) Ратцель изложил в исследовании, посвященном африканским лукам, типы которых он связывал с определенными группами населения и с азиатскими и меланезийскими влияниями²⁸. Разработанная Ратцелем концепция в несомненно ухудшенном виде была использована Фр. Гребнером в его варианте учения о «культурных кругах».

Известное внимание Ратцель уделил проблемам колониализма, однако большая часть его взглядов оказалась опровергнутой ходом истории XX в. Так, например, он писал, что «...завоевание оружием чужих стран все больше отходит на второй план, а на его место постепенно выступает экономическое завоевание». И далее: «Колонизация принимает характер организованного управления и руководства туземцами для лучшего использования их сил». «Климатические условия... в умеренном поясе позволяют белым развернуть свои силы, а в жарком – настоятельно заставляют их прибегать к союдруничеству с туземцами»²⁹. Одновременно Ратцель резко осуждал такие методы колониальной политики, как захват земель у местного населения, спавание его, занесение заразных болезней и т.п.

Специально проблемам этнологии ученый посвятил фундаментальный трехтомный труд «Völkerkunde» («Этнология»).

Основная часть первого тома посвящена описанию народов Африки, во втором рассматриваются народы Океании, Америки и Азии, в третьем с позиций народоведения – культурные народы Старого и Нового Света³⁰. Ратцель собрал и систематизировал огромный материал, не утративший значения до наших дней. Работа получила широкую известность и переведилась на многие иностранные языки, в том числе на русский, однако под ошибочным названием «Народоведение».

В вводных разделах первого тома, посвященных теоретическим проблемам, Ратцель задается вопросами о целях и задачах этнологии, путях развития культур, о

причинах различий в уровнях их развития, существовании понятия «природный» (первобытный) человек. Затрагивал он и многие другие важные для этнологии проблемы, пытаясь найти ответы на некоторые из них. Свой принципиальный подход к этнологии народов мира исследователь определял следующим образом: «Пропасть в уровне культурного развития между двумя группами людей по ширине и глубине может быть полностью независимой от степени одаренности. На нее мы будем обращать внимание в последнюю очередь, в отличие от различий в развитии внешних условий. Поэтому особое внимание мы будем уделять внешним условиям жизни народов... Таким образом, рука об руку пойдут географический подход и исторические обстоятельства»³¹.

Важно подчеркнуть убежденность Ратцеля в том, что духовное достояние базируется на материальном и поэтому на всякий вопрос о происхождении культуры следует прежде всего ответить, что благоприятствует развитию материальных основ культуры³².

Полемизируя со сторонниками «теории развития» по ряду вопросов «эволюции» культуры, Ратцель отнюдь не выступал против исторического понимания ее развития. Он даже употреблял понятие Бастиана об «элементарных идеях», однако высказывал мнение, что их распространение происходит не так просто и однозначно, как это понимают сторонники «теории развития» (эволюционизма). Возражал Ратцель и против употребления распространенного в его время понятия «неисторические народы». Он считал, что эти народы называют так потому, что их историческая традиция не зафиксирована в письменности, хотя «их достижения не потеряны для культуры». Ученый писал: «Мы называем бедными культурой народы, которые вследствие внутренних и внешних причин медленно проходили культурное развитие. Но они не "бескультурные", так как обладают всеми средствами для дальнейшего развития: языком, огнем, орудиями, оружием»³³.

Таким образом, подход Ратцеля к проблемам этнологии можно определить скорее не как «диффузионистский», а как взгляд географа, несколько ограниченный, но во многом исторический. И это достаточно убедительно подтверждается высказыванием Ратцеля о том, что вопрос о заимствованиях и самостоятельных открытиях может быть решен только путем специальных исследований с опорой на представительный фактический материал³⁴.

Наконец, следует отметить, что в рассматриваемой работе Ратцель еще более определенно сформулировал свои мысли по поводу «культурных зон» и «культурных кругов», уточнив, что выделять их можно только на основании совокупности всех данных о культурных признаках той или иной «зоны» или «круга».

Широта научных интересов Ратцеля, богатство его идей в области теории, их значение для дальнейшего развития этнологии свидетельствуют о важности изучения его научного наследия. Его труды еще ждут своих исследователей-этнологов. Несомненно, их детальный анализ может привести к новым и достаточно неожиданным выводам, не совпадающим с распространёнными в отечественной и зарубежной литературе. Перспективными представляются и дальнейшие исследования в области «антропogeографии», теория которой, будучи освобожденной от несколько узкого географического подхода, может стать немаловажным направлением в дальнейшем развитии этнологии. Тем более, что многие идеи Ратцеля прямо или косвенно живут в современных этнологических концепциях, не говоря уже о картографическом методе, одним из пионеров которого был этот немецкий ученый.

Примечания

¹ По старой традиции, в странах немецкого языка «немецкой» этнология называлась в Германии, Австрии и немецкоязычной Швейцарии.

² См.: Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978; Марков Г.Е. Развитие современной германской буржуазной этнологии // Этнография за рубежом. М., 1979; *его же*. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. I. Немецкая этнология. М., 1993; *Markov G. L'évolution de l'ethnologie ouestallemande // Ethnologie occidentale: Essais critiques sur l'ideologie*. М., 1985.

³Marshall W. Besprechung // Tribus. 1972. № 21.

⁴Диффузионизм // Большая советская энциклопедия. Т. 8. М., 1972.

⁵Токарев С.А. Указ. раб. С. 134.

⁶Ratzel F. Völkerkunde. Leipzig, 1894.

⁷La naissance de la géographie humain: Fr. Ratzel et Paul Vidal de la Blache. Budapest, 1974; Buttmann G. Fr. Ratzel: Leben und Werk eines deutschen geographen 1844–1904. Stuttgart, 1977.

⁸См.: Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Концепции зарубежной этнографии. Критические этюды. М., 1976. С. 35–37; Токарев С.А. Указ. раб. С. 134–137. Еще меньше говорится о Ратцеле в учебниках, а также современных немецких публикациях. См. например: Westphal-Hellbusch S. Hundert Jahre Ethnologie in Berlin. unter besonderer Berücksichtigung ihrer Entwicklung and der Universität // Hundert Jahre Berliner Gesellschaft für Anthropologie und Urgesellschaft 1869–1969. В., 1970.

⁹См. например: Деборин А.М. К характеристике идеологии германского империализма до прихода Гитлера к власти // Славяно-германские исследования. М., 1963. С. 67, 68; Германская история. Т. I. М., 1970; Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989.

¹⁰Ratzel F. Anthropogeographie. Т. I. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart, 1882; Т. II. Die geographische Verteilung des Menschen. Stuttgart, 1891.

¹¹Ratzel F. Anthropogeographie. Т. I. S. 35, 36, 39.

¹²Ibid. S. 41.

¹³Ibid. S. 49.

¹⁴Ibid. S. 64.

¹⁵Ibid. S. 78.

¹⁶Ibid. S. 81.

¹⁷Ibid. Т. II. S. 380.

¹⁸Ibid. S. 167. Об этом же пишут и современные авторы. См.: Марков Г.Е., Масанов Н.Э. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевников // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 1985. № 4.

¹⁹Токарев С.А. Указ. раб. С. 135.

²⁰Ratzel F. Anthropogeographie. Т. II. S. 388, 389.

²¹Ibid. S. 459.

²²Ibid. S. 465.

²³Fiedermutz-Laun A. Der Kulturhistorische Gedanke bei Adolf Bastian. Systematisierung und Darstellung der Theorie und Methode mit dem Versuch einer Bewertung des kulturhistorischen Gehaltes auf dieser Grundlage // Studien zur Kulturkunde. В. 27. Wiesbaden, 1970.

²⁴Ratzel F. Anthropogeographie. Т. II. S. 396.

²⁵Ibid. S. 471, 472.

²⁶Ibid. S. 394.

²⁷Ibid. S. 399.

²⁸Ratzel F. Die afrikanische Bogen // Abhandlungen der Philhist. Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft. В. XIII. Н. 3. 1891.

²⁹Ратцель Ф. Человек как жизненное явление на земле. М., 1901. С. 92.

³⁰Ratzel F. Völkerkunde. 3. Bd.; В. 1. Die Naturvölker Afrikas. Leipzig, 1887; В. 2. Die Naturvölker Ozeanien, Amerikas und Asiens. Leipzig, 1888; В. 3. Die Kulturvölker der Alten und Neuen Welt. Leipzig, 1888.

³¹Ratzel F. Völkerkunde. В. 1. S. 3.

³²Ibid. S. 17.

³³Ibid. S. 13, 14.

³⁴Ibid. S. 47.

G.E. Markov. The German ethnology at the edge of two centuries. Friedrich Ratzel

This is a new article of G.E. Markov within a series of his publications devoted to the history of ethnology in German-speaking countries. Here the period of transition from *evolutionism* to the new theories which are used to identify with *diffusionism* is under consideration. F. Ratzel is acknowledged as a predecessor of diffusionism and a founder of the new scientific discipline – *anthropogeography*. It's methodological specifics consisted in viewing a man and culture in the context of particular environments. Ratzel formulated concepts of «cultural zones» and «cultural circles» which, to some degree, may be regarded related to the later concepts dealing with the categories of «historical-ethnographic areas» and «economic-cultural types».